

СКАЗ О ЯРОСТНОМ ОЛЕНЕ

летописях об этой истории ничего не записано. Видно, святые отцы-монахи тут промах дали, либо из-за недосуга не успели. Это они напрасно. Такие дела да случаи без внимания обходить — все одно что народ без сладких пирогов держать.

Из старых книг известно о том, как во время похода грозного царя Ивана на Казань дикие звери лось да олень для войска подспорьем в харчах были. Все воины с дикого мяса силы набрались, вдвое храбрее стали и потому долго под Казанью не копались. Это не мудрено, такому и поверить можно. А вот кто добывал для войска тех диких зверей — о том ничего не сказано.

Если рассказывать все без утайки, то дело так было. На полдороге к царству Казанскому отрядили воеводы дюжину охочих стрельцов, чтобы добывали они попутно для царя, воевод и бояр свежинки к столу. Был конец лета, а в старину к успеньеву дню все олени, и сохатые и рогатые, дикой силы и храбрости набирались, без устали по лесам ходили и на особых боевых урочищах яростно копытом в землю били, врага на бой вызывая. В эту пору бывалому охотнику зверя добыть не трудно. Только те двенадцать московских бородачей напрасно по лесу с пищалями ходили; ничего не видели и не слышали. Наконец нашились они на паренька-подростка, что сидел в лесу у костра и лосиную губу кусочками на прутике поджаривал. Подсели стрельцы к огню, парень их жареной лосиной угостил.

Завидно стало царским людям, что подросток с луком да стрелами на добычу ловчее их и удачливее, и стали выпрашивать, как он оленей добывает. Но парень секрета не выбалтывал, одно сказал:

— Видно, вы по-коровьи реветь не умеете! Переглянулись стрельцы, ничего не поняли и поволокли подростка к царским шатрам. Вышли из шатров бояре да воеводы бородатые а один молодой, но грознее всех, в доспехах царских, боевых. Сам старый боярин стал подростка спрашивать, какого он роду и племена а если холоп, то какого боярина. На это парень ответил, что вырос он у самого Нижня Новгорода, отца с маткой не упомнил, племена Холодаева, рода Голодаева. Так и в народе его кличут — Холодай-Голодай, по лесам шагай. Лук да стрелой себе пропитание добывает и добрых людей не забывает.

Тут спросил воевода бородатый:
— А царя своо отчего забываете? Не худо бы и к царскому столу свежинки добыть!

Удивился Холодай-Голодай:
— А почто царю на боку лежать? Пушай по-коровьи реветь научится — свежинка к нему сама придет, а как посидит ночь на ярище — дичина слаще покажется!

Тут самый грозный да молодой воевода, усмехнувшись, сказал:
— Ладно, попробует царь по-коровьи реветь, было бы у кого поучиться!

И тут же приказал коней седлать, на лосиную охоту собираться. Вот и повел подросток царя на охоту в леса нижегородские. Не доезжая до урочного места, коней со стражей оставили, а сами пешком через болото пошли до дикой сосновой гривы. Там Холодай-Голодай ярище разыскал, засидку на двоих сделал, царя рядом посадил и, пока засветло, стал учить его сохатых подманывать — лосихой реветь. Сдавит себе горло руками с обеих сторон и охает громко: «Ох! О-ох!» — как лосиха мыкает. Потом царю говорит:

— Ну, теперь ты, боярин, попробуй!

Начал царь Иван лосихой охать, да что-то плохо получалось. Сердился Холодай-Голодай:

— Эка голова скоморошья! Ты не по-гусиному охай, а по-лосиному!

И снова учил царя лосей-рогачей подманывать. К ночи научился царь лосихой реветь не хуже, чем Голодай. Оба тихо сидели, урочного часа ждали. Вот и спрашивает тихонько подросток:

— Ты, боярин, хоть старый ли?

— На иванов день двадцать два лета минуло.

— Вона как! А мне шестнадцать. Однолетки почти!

Когда стемнело совсем, месяц над лесом поднялся, а болото туманом окуталось, и грива островком в белом море казалась. Тихо си-

дели. Чуть ворохнется царь Иван, как Голодай его в бок толкал и кулаком грозился:

— Сиди, боярин, тихо, не вошкайся!

Так ждали они до полуночи, когда в разных сторонах стук да треск послышался, будто кто-то сучки ломал и по деревьям стучал. Тут Холодай-Голодай царя в бок легонько толкнул:

— Мани!

Начал царь всея Руси лосиной коровой охать-реветь. Ничего, хорошо получалось! Когда поохали попеременно, то царь Иван, то Холодай-Голодай, вышел из тумана на гриву страшный лосище с огромными рогами. Остановился на ярище, обнюхался, прислушался и начал копытами землю копать и бить. Загудела земля как живая, а глаза лосиные при месяце разными огнями светились. И так разъярился сохатый, на смертный бой противника вызывая, что царю жутко и страшно стало. Схватил он свою пищаль аглицкую и не целясь выстрелил. Замер зверь, насторожился, глазами и слухом врага разыскивая. А паренек Голодай тугой лук натянул, зыкнула тетива, и задрожала стрела, пронзивши лосиное сердце. Затряслись ноги у сохатого, и, вздохнувши, свалился он на белый мох.

Немедля при свете месяца охотник добычу свежевать начал, а царю сказал:

— Доставай огниво, боярин, разводи костер!

Пошарил грозный царь Иван по карманам — нет огнива!

— Какой же ты вояка — без огнива на татар идешь! — попенял Голодай и сам живо костерок развел. Потом лосиную губу на кусочки разрезал, на прутики повтыкал и спросил:

— Нет ли соли, боярин?

Но и соли у царя в карманах не оказалось.

— Какой же ты охотник без соли?

Достал тряпочку, высыпал остатки соли на царское кушанье и начал обжаривать.

А тут и солнышко взошло, пригрело, и заснул царь Иван у костра на беломошнике. И приснился ему диковинный сон. Будто бы обложил он столицу Казанского царства кругом своим войском, бьются воины головами о стены Казани, шлемы колоколами гудят и звенят, а татары, стоя на стенах, зубы скалят, насмеваются и гогочут по-лошадному. Вдруг из тумана белого волжского показался сохатый зверь, да такой большой, что вся Казань у него под брюхом оказалась. Начал лось яростно копытами бить, рогами бодать, и полетели к нему камни крепости, дворцы и мечети, ханы и ханши, мурзы и воины!

Проснулся царь Иван радостный, а когда поел жареной лосины с угольков да лосиной губы с вертела, почувствовал в себе силу и бодрость небывалую и сказал, что такой еды и по праздникам не едал.

В тот же день, вернувшись к шатрам, царь поставил Голодая старшим над всеми царскими охотниками, приказал во всем его слушаться, научиться сохатых и оленей рогатых подманивать, чтобы мясом яростным кормить воинов до самой Казани. Дело совсем ловко пошло. Войско вперед подвигалось, а охочие стрельцы под началом Голодая сохачей и оленей добывали. Скоро все воины, поевши дикой свежинки, силой и духом поправились и, придя под Казань, долго не мешкались, за один раз приступом взяли.

Вот так и оправдался сон грозного царя Ивана: яростный нижегородский сохач ногами растоптал, рогами разметал вражью крепость дотла.

После победы над казанскими ханами царь Иван в Москву воротился и на радостях для воевод и бояр пир устроил. Нижегородцы к тому дню по зимней дороге на царский двор обоз с лосиной послали. На пиру мед-брагу ковшами пили, жареной лосиной губой заедали. Отведали гости лосиной губы и сказали, что за всю свою жизнь слаще ничего не пробовали. Но казалось царю, что не так хороши были яства, как лосина с угольков и прутиков, что едал он с охотником Голодаем в нижегородских лесах. И гневался царь Иван на своих стольников и поваров.

На том пиру заморские гости-послы были, они своими странами похвалялись, городами и городскими гербами. Вспомнил тут царь, что Нижний Новгород и вся земля нижегородская гербом не отмечены. И задумался, сурово очи прикрывши. В глазах его как живой стоял зверь красоты дикой, невиданной, в ярости рогами бодал и ногой в землю бил. И тут же, на пиру, указал царь Иван, чтобы быть всей земле нижегородской под гербом сохача яростного, что помог ему казанскую твердыню взять. И появился на царских печатях и воротах нижегородских буйный лось, бьющий в землю передним копытом.

А Холодай-Голодай в ту пору по приволжским лесам ходил, стрелой да копьем себе пропитание добывал. Но через год после Казанского похода налетела с востока вместе с ветрами-суховеями моровая язва на всяких копытных зверей и домашнюю животину. Стали олени и сохатые от язвы валиться, а остатки на полночь за Волгу пошли. Но и там не спаслись от гибели, совсем мало в живых осталось. Охотника Голодая эта беда тоже за Волгу прогнала.

И получилось так, что грозному царю Ивану понадобились на праздничный пир лосиная губа да студень олений хмельную медовую брагу заедать. Вспомнились тут царю леса нижегородские, и послал он гонцов-стрельцов в Нижний Новгород за олениной и лосиной губой. Знатные нижегородцы — и бояре, и воеводы, и люди торговые рады были царю угодить, да не ведали как. Вот дознались они, что охотник Холодай-Голодай за Волгой на моховых буграх живет, стрелой да копьем пропитание добывает, в землянке спит, у костра отогревается. И послали к нему людей с наказом, чтобы добыл для царского стола лося да оленя. Походил, побродил Голодай по заволжским борам-белошникам, вернулся к боярам и рассказывает:

— Нет за Волгой ни лося, ни оленя. Одна матка-олениха с телятками ходит.

— Ну, ино матку бей! — говорят бояре. — К царскому столу еды надо!

Заупрямился тут Холодай-Голодай:

— Не трону матку! Она одна на всю сторону! И вашим не дам губить, а нахрапом полезут — стрелой приколю!

Рассердились воеводы и бояре на упряма, кнутом отхлестали и в темницу кремля затолкали.

Холодай-Голодай в застенке томился, а благодарная ему старая олениха ушла с детками по далеким краям — по хлыновским и удмуртским лесам, по Каме и Вятке рекам — и нигде не останавливалась. И все олени — и сохатые и рогатые, что встречались с ней, шли за оленихой, послушные непонятному зову, на заход солнышка, к Волге широкой, к диким моховым горам. И десятка лет не прошло, как в нижегородских лесах снова расплодилось племя оленей.

А грозный царь Иван под старость затосковал вдруг, от пиров, войны и молебнов его отворотило, и удалился он в Александрову слободу отдохнуть духом и телом. Но и там не нашел царь покоя. Вот приснился ему как-то сон, что месячной ночью он с отроком в лесу у костра сидит, пищаль наизготовку держит, зверя поджидая. А усталое сердце царское в радостной тревоге бьется и замирает сладостно. Когда проснулся царь, поманило его зело веселой утехы в последний раз изведать.

И направился по дороге муромской в Нижний Новгород.

Там царь Иван дознаваться стал у бояр и служилых людей о том, жив ли, проживает ли в нижегородской земле ничейный человек Холодай-Голодай, что в походе на Казань помогал.

Перепугались хозяева города, немедля из застенка Голодая выпустили, помыли, накормили и чуть живого к царю привели.

Не вдруг они друг друга узнали. Удивился царь:

— Видно, ты и вправду холодал да голодал, пока меня не видал?

— Ну и ты, надежа-боярин, не добрым молодцем глядишь!

Не откладывая надолго, царь с Голодаем за Волгу отправились, бояр да опричников на берегу ждать оставили, а сами на моховые бугры да гривы пошли, где, бывало, звери водились. Долго ходили, наконец выбрал Голодай одну гриву, на которой, по приметам, ночами олени яряться приходили и тут засидку устроили. Стали ночи ждать вдвоем, а чтобы не скучать, тихий разговор повели.

Спрашивает Голодай царя:

— Ты, боярин, чай, старый?

— Скоро умру! — ответил царь.

— Оно и пора! — согласился охотник. — Заживаться на белом свете невыгодно. Как пораньше умрешь — кто-то да пожалеет, а до немощи дотянешь — только рады все будут, что бог старика прибрал!

Усмехнулся горько-горько грозный царь Иван, припечалился и ничего в ответ не сказал.

В половине ночи, когда месяц круглый бугры и гривы осветил, начали они попеременно рогачей подманывать. Вот откликнулся один, на бугор вышел и стал яростно копытами в землю бить, рогами деревья бодать, глазами и слухом врага разыскивать. За первым другой да третий вышли, копытами землю копали, врага на бой вызывали. И затрепыхалось, застучало по-новому измученное сердце царя Ивана, и казалось ему, что за всю свою жизнь он не знал, не испытывал такой тревожной радости.

До зимних заморозков охотился царь Иван в нижегородских лесах. Бояре и опричники на Москве уже радоваться начали, надеялись, что царь насовсем сгинул. А он и прибыл вдруг, а вслед за ним привезли на санях добычу царскую — седых северных оленей. Когда бояре, воеводы и гости заморские у царя на пиру отведали языка да холодца оленьего, все согласно сказали, что никогда раньше не едали ничего вкуснее заволжской оленины.

Чиновные царские люди сразу смекнули и, чтобы царю угодить, герб земли нижегородской на печатях царских и на воротах кремля Нижегородского скоро-наскоро переделали. Вместо буйного лося-сохатого изобразили оленя яростного, бьющего о землю передним копытом.

После отъезда царя Ивана нижегородские бояре Холодая-Голодая в темницу больше не прятали. Поселился он в своей избе на Студеном посаде, по зимам за Волгой сохатых и рогатых оленей добывал и через нижегородских мясников не забывал в Москву подарки посылать — боярину Ивану на царский двор. И была у грозного царя на пирах

дичина до самой его кончины. Помнил и согласен был царь Иван со словами Голодая, что «заживаться на белом свете невыгодно», и умер не очень старым. Но жалеть и плакать по нем было уже некому.

В годы лихолетья, когда задумали нижегородцы воров-ляхов из Москвы выкурить, стали они войско набирать, оружие и продовольствие запасать. Насчет мяса тогда туго было, всю скотину вокруг ляхи да казаки загубили. Тут вспомнили старожилы, что на Студеном посаде старик Холодай-Голодай живет, что, бывало, с царем на оленей хаживал. Разыскали старика и за Волгу промышлять послали.

До конца зимы Голодай с товарищами — лесовиками-охотниками — сохатых да оленей добывали. По весне, перед выходом ополчения из кремля, вернулся из-за Волги сам Голодай, а с ним за полсотни охотников разных племен, с рогатинами, копьями да пищалями.

Только что отгудели колокола и народ Михаилу Архангелу, покровителю русского воинства, помолился, а войско ополченское, готовое к походу, под хоругвями стояло. Когда подвел старый Голодай свой отряд к воеводам, тот, которого народ запросто Минычем звал, спросил старика:

— Ну как, дед Голодай, сам свое войско на ляхов поведешь или под мое начало отдашь?

— Не будет худа, если и сам пойду! — ответил старик. Потом глянул на хоругви ополченские со крестом и оленем яростным и такое сказал: — Нашему бы оленю да ярославского медведя на помощь позвать!..

Сразу смекнули воеводы ополченские, на что старый Голодай намекает, посоветовались промеж собою и порешили не прямой дорогой к Москве идти, а через Ярославль, город «под медведем». И не напрасно. Ярославцы да костромичи изрядно помогли нижегородцам, ратной силы в ополчении прибавилось. Тогда и на врага двинулись.

А красавец олень на хоругвях и стягах войска нижегородского, гордый своей породой, в благородной ярости угрожал копытом, радуясь победной битве с врагом-супостатом.

